

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Е. Ф. БУРШТЕЙН

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ, ДВАЖДЫ РОССИЙСКИЙ АКАДЕМИК: НАБРОСОК ПОРТРЕТА

А. Ф. Севастьянов (1771–1824) с детства был близок к царской семье. Образование он получил «от щедрот» Екатерины II в Академической гимназии, где освоил четыре языка; ее внуков, Александра и Константина, знал с юных лет. Владение языками и высочайшая опека стали двигателями его карьеры. Он был помощником родственника императрицы графа Ф. Ангальта, переводчиком у ее фаворита князя П. А. Зубова, а при Павле I – библиотекарем у Константина Павловича, одновременно посещая лекции по зоологии при музее Академии наук (АН).

В 1799 г. Севастьянов представил академии статью о границе между животным и растительным царствами и был избран ее адъюнктом по зоологии. Работал в музее, перевозил из Польши коллекции, купленные Александром I. В 1803 г. был избран экстраординарным (сверх штата) членом АН по зоологии. Перевел часть «Системы природы» К. Линнея, был членом научных обществ, награжден орденом Св. Анны 2-й степени. Пробовал читать зоологию и минералогию в Медико-хирургической академии, написал книгу «Геогнозия», на 90 % состоящую из переводов чужих конспектов – лекций А. Г. Вернера и раздела «Геологии Альп» О. Соссюра.

Книга Севастьянова с посвящением Александру I была последним одобрена, и его избирают ординарным академиком (1810). Он представлял в АН описания «пород» животных из музея, публиковал переводы трудов натуралистов и популярные статьи, писал отзывы, инструкции, некрологи, входил в комитет правления АН. Его «Геогнозия» способствовала долгому господству в России крайнего непутизма. В середине XX в. отечественные историки геологии изображали Севастьянова как ученика Вернера и его критика, приписывая ему ряд положений книги. Причиной мог быть ее стиль: неясно, где текст авторов, а где – переводчика.

Севастьянов писал стихи, включая оды правящей семье. В 1800 г. стал членом Российской академии (русский язык и литература), участвовал в переиздании «Словаря русского языка», но предпочитал книжный язык XVIII в.

Ключевые слова: А. Ф. Севастьянов, геогнозия, А. Г. Вернер, Академия наук, Российская академия, Екатерина II, Александр I, Константин Павлович.

В 1810 г. вышла книга академика А. Ф. Севастьянова (1771–1824) «Геогнозия или наука о горах и горных породах...», ставшая первым учебником геологии на русском языке¹. Некоторое время она использовалась в Петербургском

¹Севастьянов А. Ф. Геогнозия или наука о горах и горных породах. С присовокуплением Наставлений путешествующему геологу, почерпнутых из 4-го тома путешествия г-на Соссюра

Портрет академика А. Ф. Севастьянова (фрагмент). Не ранее 1806 г.

горном кадетском корпусе и отчасти в университетах. Между тем Севастьянов — академик по кафедре зоологии — не был и не считал себя геологом (геогностом) и не имел высшего образования. Его биография и путь в Императорскую (Петербургскую) академию наук (ИАН) остаются малоизвестными. Так что цель настоящей статьи — отметить основные черты его жизни и деятельности, оставив желающим возможность написать более детальный портрет. Автор отталкивался от посвященного Севастьянову текста в биографическом словаре 1904 г.², где использованы некролог 1825 г. (без подписи)³ и отчасти другие источники, хотя упомянутый текст вызывает немало вопросов. Его авторы, вероятно, знали на них ответы, но по каким-то причинам (цензурным?) предпочли промолчать. Ниже фрагменты биографии выделены особым шрифтом.

Севастьянов Александр Федорович [...] родился в 1771 г. в дворянской семье в Рязанской губернии Егорьевского уезда. В 1781 г. зачислен на службу фурьером в лейб-гвардии Преображенский полк; первоначальное образование получил «от щедрот императрицы Екатерины II», а затем, числясь на службе в полку и получая чины, воспитывался в Академической гимназии под руководством академика И. И. Лепёхина...

Уже возникают вопросы. Сын неродовитого и нетитулованного дворянина с младенчества опекается императрицей. И это продолжится, как мы увидим, до конца ее жизни, после чего эстафету примут ее внуки. Наиболее вероятно, что ребенок из близкой ко двору семьи осиротел. И вот 10-летний малыш с начальным образованием зачислен «фурьером» (курьером) в полк: ему идут унтер-офицерские чины, а он учится в гимназии при ИАН (такую возможность детям дворян дал еще Петр I). Академик Лепёхин с 1774 г. преподавал в ней ботанику, а в 1777–1792 гг. был ее инспектором, но это не означает, что он руководил Севастьяновым персонально. Гимназия переживала большие трудности, однако уже в 1748 г. там изучали четыре иностранных языка, а позднее из учеников, проявивших способности к языкам, готовили переводчиков⁴. Владение французским, немецким и латынью наряду с высочайшей опекой станут главными инструментами карьеры Севастьянова.

по Альпийским горам. СПб., 1810.

² Севастьянов Александр Федорович // Русский биографический словарь под ред. А. А. Половцова. СПб., 1904. Т. 18. Сабанеев — Смыслов. С. 266–268.

³ О службе и трудах покойного Академика, Статского Советника и Кавалера Севастьянова // Санкт-Петербургские ведомости. 1825. № 81. С. 957–958.

⁴ Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885.

По окончании курса гимназии С. в 1790 г. был выпущен из сержантов Преображенского полка в капитаны армии...

За образованием в таких случаях следовали реальная военная служба или перевод в статскую. Не знавшему даже азов службы юноше стать капитаном в гвардейском полку было невозможно. Но и в армии начать с капитана было довольно странно. Однако ему было уготовано особое поприще:

...и в течение 4-х лет находился при гр. Ангальте...

Екатерина II – до замужества Фредерика София Шарлотта, принцесса Ангальт-Цербстская – и граф Фридрих (Федор Евстафьевич) Ангальт, сын принца Ангальт-Дессауского, состояли в родстве. Граф с его большим военным опытом был в 1783 г. приглашен императрицей на службу, а в 1786 г. назначен генерал-директором Сухопутного шляхетского корпуса⁵. Он, по-видимому, нуждался в помощнике с хорошим знанием языков, включая русский, но в штате корпуса вакансии капитана явно не было – в заглавии сочиненной Севастьяновым в честь Екатерины II оды (см. ниже) автор именует себя «капитаном егерского Финляндского полка» (Ангальт был шефом этого полка), где он, естественно, только получал жалованье.

Ф. Ангальт заботился о культурном развитии кадетов: улучшил библиотеку, физический и натуральный кабинеты. Стена, окружавшая сад, была разрисована изображениями исторических лиц, стран, животных и т. п. и украшена поучительными надписями⁶. Собранные им цитаты и тексты на темы воспитания в сочетании с отрывками научных сведений, притчами, пословицами на французском, реже немецком, русском языках и латыни, он решил издать. Помощник мог быть полезен в подготовке к печати его книги *La muraille parlante...* («Говорящая стена...», 1790), но особенно – в составлении ее второго тома *La salle de récréation...* («Зал отдыха...», 1791) вдвое большего объема. В 1822 г. их переиздадут под другим названием. Эти книги считают первой в России попыткой свода данных по педагогике⁷. Севастьянов там не упомянут, хотя даже техническая подготовка к изданию требовала владения языками и усердия. В 1794 г. граф умирает. А капитан

Портрет графа Ф. Ангальта

⁵ Сухарева О. В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005.

⁶ Там же.

⁷ Колмаков П. К. Педагогические энциклопедии // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 19. С. 304–306.

Портрет князя П. А. Зубова
(фрагмент)

...в 1794 г. определен переводчиком к кн. Пл. Ал. Зубову.

Зигзаги карьеры Севастьянова удивляют, если не знать, что от родственника Екатерины II он перешел к ее последнему фавориту – Платону Александровичу Зубову, графу, затем светлейшему князю, наделенному огромной властью и богатством. В каких переводах тот нуждался – неясно, но военная карьера капитана егерского полка продолжалась.

...30 июня 1796 г. С. был произведен в секунд-майоры, но уже 14 декабря уволился «к статским делам» с переименованием в коллежские асессоры

и назначен библиотекарем к наследнику цесаревичу Константину Павловичу ⁸.

Пропущена важная дата: 7 ноября на престол взошел Павел I. Смерть Екатерины II стала роковым событием для многих ее любимцев. Н. Я. Эйдельман писал:

В 1796 г. законный монарх [...] берет власть «штурмом», насилием, употребляя почти забытые методы опалы, ареста, шельмования [...] Суворов отставлен и фактически под арестом. Зубовы (Платон и его братья. – Е. Б.) свергнуты и заперты в поместьях под надзором властей ⁹.

Но и в этот страшный для многих год Севастьянов не проиграл. Видимо, он обладал даром предвидения: уйдя от опального вельможи к великому князю и сменив сомнительный военный чин на надежный гражданский (это решали высокие инстанции), не перешел в стан врагов Зубова, выдвиненцев Павла I, но и не потерял связь с императорской семьей, заранее сделав ставку на старших внуков императрицы – Александра и Константина. Книга о геогнозии начинается посвящением Александру I: «Находившись в юности моей при Особе Вашего Императорского Величества и Государя Цесаревича...» ¹⁰. Видно, что он и раньше общался с обоими внуками Екатерины II, которые воспитывались при бабушке. Они были моложе Севастьянова соответственно на 6 и 8 лет, т. е., он знал их еще подростками, если не детьми.

⁸ Титул цесаревича Константину Павловичу был присвоен Павлом I в 1799 г. в нарушение собственного указа 1797 г. о престолонаследии (см.: Полное собрание законов Российской империи. I. № 19170); его старший сын Александр Павлович имел титулы наследника и цесаревича.

⁹ Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. 2-е изд. М., 1986. С. 154.

¹⁰ Севастьянов А. Ф. Геогнозия или наука о горах и горных породах...

Платон и Николай Зубовы приняли участие в перевороте 1801 г., возведшем на престол Александра I, но еще раньше Севастьянов нашел себе новую точку опоры:

Уже в юности С. чувствовал склонность к естественным наукам, слушал, между прочим, курс зоологии в академическом музее ¹¹ и в 1799 г. представил конференции Академии свою диссертацию на французском яз.: «*Reflexions sur les bornes des deux regnes de la nature – l'animal et le vegetal, ou sur les vrais signes distinctifs des corps, qui les composent*». За этот труд он 4 ноября того же года был принят в Академию адъюнктом, оставаясь в то же время библиотекарем цесаревича.

Для «академического» периода жизни Севастьянова информативны протоколы заседаний конференции и общих собраний ИАН ¹²; на основе их русского перевода и других документов составлена ее «Летопись» ¹³. Слово «диссертация» (*dissertation*) не упомянуто ни в оригинале, ни в переводе, хотя оно уже вошло в лексикон науки в значении, близком к современному. Все происходило проще:

2 сентября 1799 г. Н. Я. Озерецковский рекомендовал в адъюнкты своего ученика (слушавшего его публичные лекции. – Е. Б.) А. Ф. Севастьянова, библиотекаря великого князя Константина Павловича. Президент предложил кандидату представить статью. 19 сентября Озерецковский представил (его) статью «Размышления о границе двух царств природы – животных и растений или об истинных признаках, их отличающих» (название на языке оригинала см. выше. – Е. Б.). 4 ноября Севастьянов был избран адъюнктом, а 14 ноября *впервые* (выделено мной. – Е. Б.) присутствовал в Конференции ¹⁴.

Итак, защиты сочинения, вопреки утверждению в упомянутом некрологе, также не было, а в полной библиографии изданий ИАН такой статьи нет ¹⁵. К тому же занявший штатную должность обязан работать в академии, а не в библиотеке за ее пределами. Но он служил у великого князя, а академия была императорской.

Переворот 11–12 марта 1801 г., приведший на престол Александра I, только укрепил положение Севастьянова: наверху о нем помнят, и его коллеги об этом знают. Не случайно 15 декабря 1801 г. под письмом государю с просьбой о помощи ИАН подписались два академика, известные европейскому научному сообществу (натуралист Н. Я. Озерецковский, математик и механик

¹¹ В «О службе и трудах покойного Академика, Статского Советника и Кавалера Севастьянова...» сказано: «Посещал лекции...»; много ли их было – неясно.

¹² Протоколы заседаний конференции Императорской Академии Наук с 1725 по 1803 гг. СПб., 1911. Т. 4. 1786–1803.

¹³ Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. Т. 1. 1724–1802.; СПб., 2002. Т. 2. 1803–1860.

¹⁴ Летопись Российской академии наук... Т. 1. С. 896.

¹⁵ Шемиот В. П. Систематический и алфавитный указатель изданий Императорской Академии наук (репринт изданий 1875, 1882 и 1885 гг.). СПб., 2007. Ч. 1. Труды на иностранных языках. Ч. 2. Труды на русском языке.

С. Е. Гурьев), и адъюнкт Севастьянов, лично известный императору. Фрагменты письма, приведенные Д. П. Резвым, поражают резкостью выражений, в которых описано бедственное положение ИАН: из 19 академиков осталось 13, многие лаборатории заброшены, библиотека и коллекции почти не пополняются, академические гимназия и университет по бедности сравнивались со «школами подаяния» в Англии. Некоторые пассажи звучали как требования¹⁶. Это было несовместимо с присущими Севастьянову осторожностью и знанием придворного этикета. Впрочем, инициатива могла исходить сверху и быть переданной неофициально через императорский Кабинет.

Уже 21 декабря в качестве «аванса» ряд академиков (Н. Я. Озерецковский, В. М. Севергин, П. С. Паллас и другие) были награждены орденом Св. Анны 2-й степени¹⁷. Адъюнкту же к весне Кабинет передал высочайшее поручение, благодаря которому он мог себя проявить:

В 1802 г. по личному желанию Александра I С. получил командировку в Польшу для осмотра купленного государем натурального кабинета, оставшегося после смерти кн. Яблонского (Яблоновского. — Е. Б.), и в июле доставил эти коллекции в Петербург, за что получил высочайшее благоволение.

Благоволение (также переданное через Кабинет) надо было чем-то подкрепить.

И. А. Второв сохранил указание, что в 1802 г. С. читал в Академии [...] публичные лекции, которые нравились публике преимущественно перед чтениями других академиков: «в разговорах его», замечает Второв о С., «видно более сведений и учености».

Начинающий юрист из Поволжья И. А. Второв, попав в столицу, слушал публичные лекции академиков Озерецковского, Севергина и двух адъюнктов¹⁸. Некоторые чтения его разочаровали (много латыни, лекторы порой невежливы). Но Севастьянова он хвалит: «...в разговорах его видно больше сведений и учтивости». В биографии «учтивость» превратилась в «ученость».

25 августа 1803 г. был избран экстраординарным академиком.

Негласный комитет при Александре I разработал проект помощи ИАН. В 1803 г. ее президента барона А. Л. Николаи, бывшего наставника Павла I, отправили на пенсию, новый — Н. Н. Новосильцев, член комитета, — известил ИАН о новом уставе, смете, штатах и рекомендовал избрать в академики Т. А. Смеловского и Севастьянова¹⁹.

¹⁶ Резвой Д. П. О первом руководстве по полевой геологии на русском языке // Очерки по истории геологических знаний. М., 1956. Вып. 5. С. 219–227.

¹⁷ Летопись Российской академии наук... Т. 2. С. 6.

¹⁸ Де-Пуле М. Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. Т. 117. Май. С. 164–165.

¹⁹ Летопись Российской академии наук... Т. 2. С. 21.

«Экстраординарный» означало «сверх штата». Севастьянов старается оправдывать звание. Наиболее заметен начатый ранее перевод с латыни первого и части второго тома «Системы природы» К. Линнея²⁰. Вероятно, за эту работу, не дожидаясь ее публикации (1804–1805), император наградил его в феврале 1804 г. бриллиантовым перстнем. Севастьянов избран членом ряда научных обществ, а в 1806 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени. Звания и награды внешне уравнивали его с коллегами, чья роль в развитии науки была признана. Чтобы стать ординарным академиком он должен был проявить себя по-иному:

В 1808 и 1809 гг. читал лекции по зоологии и минералогии в Медико-хирургической академии...

В некрологе назван 1808 г.²¹ (вероятно, 1808/09 учебный год), когда упомянутая академия, возведенная в число «первых ученых заведений Империи», получила титул императорской²². Севастьянов уже 7 сентября 1808 г. был избран ее профессором с немалым жалованьем (2000 рублей в год)²³. Был ли опыт успешным – данных нет, но продолжения не последовало. Он стал работать над книгой по геогнозии, которая могла стать более весомым аргументом в его продвижении.

...2 января 1810 г. избран в ординарные академики по кафедре зоологии.

Эта дата указана и в некрологе, но документы ИАН ее не подтверждают. Теперь все стало сложнее. Новый штат по естественным наукам был заполнен. В действительные члены был принят, например, натуралист и художник В. Г. Тилезиус, участник кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна (1803–1806), собравший огромные коллекции фауны и флоры, описывавший берега Камчатки и дальних островов. Цепь событий выстроилась иначе.

24.01.1810 А. Ф. Севастьянов представил для публикации работу «Геогнозия...». Передана в Комитет правления (ИАН) с ходатайством о напечатании²⁴.

Книга с посвящением монарху быстро издается и одобрена им: 17 августа 1810 г. автор награжден вторым бриллиантовым перстнем²⁵. Благоволение налицо, но вакансий нет. 28 ноября 1810 г. в ИАН, рассмотрев документы и ходатайство об избрании Севастьянова ординарным академиком по зоологии, решили обратиться к министру внутренних дел: с его разрешения 18 декабря

²⁰ Летопись Российской академии наук... Т. 1. С. 907; Т. 2. С. 26.

²¹ О службе и трудах покойного Академика, Статского Советника и Кавалера Севастьянова...

²² Чистович А. Я. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883.

²³ Летопись Российской академии наук... Т. 2. С. 66.

²⁴ Там же. С. 81.

²⁵ О службе и трудах покойного Академика, Статского Советника и Кавалера Севастьянова...

1810 г. Севастьянов был избран сверх числа членов, установленного новым регламентом ИАН ²⁶, – ему опять сделали исключение.

Над чем трудился и чего достиг в науке адъюнкт и академик ИАН Севастьянов?

По части зоологии он нередко представлял Конференции ИАН описания тех или иных «пород» (он не называл их видами) рыб и птиц, реже млекопитающих, в основном из поступающих в музей ИАН экспонатов или даже коллекций (Севастьянов классифицировал их по системе Линнея). Шесть таких сообщений были опубликованы в научных журналах, и что характерно, в период карьерного роста (1800–1811). Представлялись также переводы научных статей с его замечаниями. В последнем сообщении (13 марта 1822 г.) описаны два млекопитающих, привезенных из путешествия Ф. Беллинсгаузена. Понять, насколько это ново для науки, по тексту «Летописи» нельзя: утверждение новых видов сообществом зоологов – процесс долгий; об этом было бы доложено особо. Какой-то объем знаний в этой области Севастьянов, несомненно, приобрел, однако найти оценку его роли в развитии зоологии у ее историков не удалось ²⁷. П. С. Палласа не так давно признали, наконец, основателем зоологии в России ²⁸. Последняя воля Палласа, оглашенная в 1811 г. после известия из Берлина о смерти ученого, – передать его материалы, оставшиеся в ИАН, В. Г. Тилезиусу ²⁹.

Вклад Севастьянова в преподавание зоологии мог бы быть больше:

...по поручению Главного Правления Училищ, он составил «Основания зоологии», труд, над которым С. работал с большой любовью, но который издан не был вследствие его внезапной смерти.

В некрологе сказано точнее: «Печатание сей книги было прервано внезапной кончиной...» ³⁰. Речь могла идти об учебнике для 5-классных народных училищ. Допечатать заверченный труд при его положительной оценке могли и посмертно.

Деятельность Севастьянова-переводчика длилась более четверти века. В области естествознания это перевод (помимо части труда Линнея) сочинения А. Гумбольдта «О физиогномике растений», статей. Пишут о его участии в переводе знаменитой, в оригинале 36-томной, «Естественной истории» Ж. Бюффона. Его основными переводчиками были академики – участники экспедиций 1768–1774 гг. Наиболее значителен был вклад Лепёхина: пять томов, из них последние три печатали по его завершённой рукописи посмертно. Ее подготовку к печати, работу, требующую знания языка и предмета, но

²⁶ Летопись Российской академии наук... Т. 2. С. 89–90.

²⁷ Речь не идет о библиографиях. Статьи Севастьянова в изданиях ИАН перечислены В. П. Шемиотом в «Систематическом и алфавитном указателе изданий Императорской Академии наук»; издавались и библиографии по зоологии России.

²⁸ Соколов В. Е., Парнес Я. А. Петр Симон Паллас – основатель отечественной зоологии // ВИЕТ. 1987. № 2. С. 118–127.

²⁹ Летопись Российской академии наук... Т. 2. С. 97.

³⁰ О службе и трудах покойного Академика, Статского Советника и Кавалера Севастьянова...

все же техническую, передали в 1803 г. Севастьянову; он стал именовать себя издателем.

Выделяется десятый том, посвященный млекопитающим (1808), где его фигура мелькает в разных качествах³¹. На титульном листе читаем:

Преложена с французского языка на российский академиком Иваном Лепехиным. Издана экстраординарным академиком и кавалером А. Севастьяновым.

В «Предуведомлении» он объясняет, почему решил включить также статью о жизни и трудах И. И. Лепёхина. Она завершается подобием надгробного слова. Вот окончание:

И благотворный Монарх, и великодушный вельможа, и честный гражданин, взирая на детей мужа, блиставшего душевною благостью, скажут: Се дети добродетельного гражданина – Последний примет их в дом свой, второй будет предстательствовать за них у престола, а сам Монарх, вспомня о честности и заслугах отца, обратит на них промыслительное свое око. – Се награда! Се венец добродетели! – Она обитала в душе твоей, почтеннейший Лепехин, и всяк, кто знал тебя, не пройдет без искреннего благоговения мимо того места, где сокрыто брение твое: он благословит оное и скажет: мир праху твоему, муж добродетельный!³²

Можно по-разному оценивать лексику и слог автора, но надгробные слова уже звучали, а некрологи выходили в 1802 г., когда ушел из жизни солдатский сын, ставший доктором медицины в Страсбурге, натуралистом в Лейдене, а академиком в годы путешествий по России. Спустя шесть лет уместнее было бы сообщить что-то по существу о вкладе Лепёхина в зоологию или о нем как переводчике.

Из других переводов выделяется изданное в 1814 г. весьма злободневное тогда сочинение Ф. Шатобриана «Бонапарте и Бурбоны».

Громадное количество научных статей С. по естественно-историческим предметам, технологии, сельскому хозяйству, медицине, географии и т. п. встречается в... (следует перечисление журналов. – Е. Б.).

Подавляющая их часть (в большинстве также переводных или основанных на переводах) рассчитана на широкого читателя. Тематика их разнообразна: от «О порошке для полирования... самых твердых тел» или «О лаках» до относящихся к зоологии «О ловле электрических угрей и нападении их на лошадей» или «Средство, способствующее разведению шелковичных червей» и т. п. Эта деятельность была полезной, и большинство академиков-натуралистов ею не пренебрегало. Однако они опирались при этом на накопленный и осмысленный ими научный багаж. Базовое высшее образование и опыт непосредственного изучения природы для них уже стали нормой. Обстоятель-

³¹ *Бюффон Ж. Л. Л.* Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона. СПб., 1808. Ч. 10.

³² *Севастьянов А. Ф.* О жизни и трудах И. И. Лепехина // Там же. С. XVII.

ства жизни Севастьянова сложились иначе. Он много работал, но делал то, что мог.

Охотно занимался Севастьянов разнообразными организационными делами ИАН. Помимо упомянутого письма Александру I разрабатывал, например, инструкцию для ботаника И. И. Редовского, собравшегося в путешествие из Иркутска на Камчатку и дальние острова. Или вслед за В. М. Севергиным писал отзыв на рукопись «Путешествие по Киргиз-Кайсацкой степи» Я. П. Гаввердовского³³ и т. п. Дважды избирался на двухлетний срок в Комитет правления академии, был в издательском комитете, утверждался редактором журналов, писал некрологи в прозе и стихах. Освобождая коллегам время на занятия наукой, он в этом отношении был, безусловно, полезен ИАН.

Что касается геологии (геогнозии), вернемся к сочинению Севастьянова «Геогнозия или учение о горах и горных породах...». 90% ее объема занимают перевод «Геогнозии» А. Г. Вернера по материалам, переданным автору адъюнктом И. Нассе, и фрагмента IV тома «Геологии Альп» О. Соссюра; остальное – «Прибавление» (замечания и дополнения переводчика). В «Прибавлении» к обем частям Севастьянов ссылается на множество авторов – от античных до современных ему. Выбор источников последних 40–50 лет, сыгравших особенно важную роль в развитии геогнозии, показывает его слабую осведомленность в этой области. Поскольку книга Севастьянова сыграла немаловажную (на мой взгляд, неоднозначную и, скорее, отрицательную) роль в подготовке специалистов в области геологии России, она заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь же можно подчеркнуть особенности труда, о которых надо помнить при его оценке:

- это единственное «вторжение» автора в область геологии, к которой он не имел отношения раньше и не соприкасался впоследствии;

- книга содержит перевод не «рукописи геогнозии Вернера», как написал Севастьянов в первых строках предисловия и что повторяют многие авторы, имея в виду, по-видимому, авторскую рукопись или ее копию³⁴, а *студенческого конспекта* его лекций (надо ли объяснять, что это не одно и то же?);

- сравнить перевод не с чем, поскольку свой курс Вернер не издавал, а почти двухвековое изучение его большого архива также не обнаружило завершенной рукописи;

- в отношении перевода из Соссюра речь идет не о выборке из разных мест его труда, как это нередко понимается³⁵, а о переводе методического раздела, содержащего сотни ценных рекомендаций; этот перевод те же авторы справедливо считают первой инструкцией по полевой геологии на русском языке;

- почти все «Прибавления» (12 из 13) также основаны на переводах фрагментов трудов, авторы которых стояли на различных позициях, или их изло-

³³ Летопись Российской академии наук... Т. 2. С. 43, 48.

³⁴ О службе и трудах покойного Академика, Статского Советника и Кавалера Севастьянова...; Севастьянов Александр Федорович.; *Шафрановский И. И.* А. Г. Вернер. Знаменитый минералог и геолог. Л., 1968.

³⁵ Резвой. О первом руководстве по полевой геологии на русском языке...; *Тихомиров В. В.* Геология в России первой половины XIX века. М., 1963. Ч. 2. Развитие основных идей и направлений геологической науки.

жений в сводных работах Ф. А. Рёйса и И. Г. Эбеля; позиция же самого Севастьянова чаще всего неясна.

В середине XX в., когда непутизм считался у нас реакционным, поскольку часть непутистов допускала реальность библейского потопы, Севастьянова вспомнили как критика идей Вернера. Это ставшее привычным утверждение ³⁶ сильно преувеличено. Из 13 замечаний в «Прибавлении» только в двух приведены наблюдения вулканистов, противоречащие положениям Вернера, в трех или четырех – сторонников Вернера, а большая часть этих проблем не затрагивает. Скорее всего он излагал разные мнения, чтобы его не упрекнули в предвзятости. Непутизм и вулканизм (плутонизм) в целом дополняли друг друга, а развитие науки тормозили только крайности этих направлений, претендующие на всеобщность. Вернер был крайним непутистом. Переводчик объективно способствовал длительному господству его учения в России ³⁷, как и настоящие ученики Вернера П. И. Медер и П. Ф. Ильман, некоторое время читавшие геогнозию в Горном училище (кадетском корпусе), но по своим конспектам.

В предисловии к «Геогнозии», упомянув об «изобретении» им русских аналогов немецких терминов (сохранив, к счастью, многие из последних в скобках), Севастьянов добавил: «...успешно ли сие учинил, оставляю на суд просвещенным людям, в геогнозии упражнявшимся». Это признание не мешало ему поставить свою фамилию на книге с переводами чужих трудов.

В. В. Тихомиров подметил, что в ряде замечаний Севастьянов фактически изложил аргументы, приведенные М. В. Ломоносовым в книге «О слоях земных», а в отношении генезиса базальтов – доводы В. М. Севергина, изучавшего их покровы в окрестностях Гёттингена, но не упомянул авторов. Тем не менее, он считал, что автор учебника «нанес [...] один из первых серьезных ударов по непутизму» ³⁸.

Историки геологии, анализируя «Геогнозию» Севастьянова, нередко приписывали взгляды переведенных им авторов ему самому. Б. П. Высоцкий в начале указал:

Севастьянов, ученик Вернера, опубликовал его теорию, но в заключение привел «Примечания, остроумные мнения Эбеля, Гумбольдта, Буха, Стеффенса, Брейслека и др.», расходящиеся с учением Вернера.

И далее: «Методы геогнозии и геологии, по Севастьянову, сводятся к...» (цитируются фрагменты текста Вернера и анализируются как построения Севастьянова ³⁹). То же повторяется в отношении основных проблем геологии и

³⁶ Резвой. О первом руководстве по полевой геологии на русском языке...; Шафрановский. А. Г. Вернер...; Тихомиров. Геология в России первой половины XIX века...; Высоцкий Б. П. Проблемы истории и методологии геологических наук. М., 1977.

³⁷ В. А. Обручев писал о книге: «Распространению непутистического учения Вернера среди русских исследователей много способствовал Севастьянов, который в 1810 г. перевел его геогнозию с некоторыми примечаниями и дополнениями» (Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801–1850). Л., 1933. С. 207).

³⁸ Тихомиров. Геология в России первой половины XIX века... С. 67.

³⁹ Высоцкий. Проблемы истории и методологии геологических наук... С. 82.

заканчивается выводом: «В работе Севастьянова ясно видны эмпиризм, “позитивизм” и влияние Бюффона»⁴⁰. Нечто подобное заметно и в работах Тихомирова⁴¹, а Д. П. Резвой, изучавший перевод из Соссюра, предположил, что

труд А. Ф. Севастьянова был известен В. Ю. Соймонову, автору «Инструкции горным партиям для геогностического описания хребта Уральско-го...»... (Соймонов, 1829)⁴².

Но Соймонов, образованный горный деятель и потомственный дворянин, вполне мог читать Соссюра во французском оригинале.

Отчасти это можно объяснить способом изложения материала, избранным Севастьяновым с целью придать книге черты самостоятельного труда. Помимо «Прибавления» и подстрочных сносок он и в тексте перевода Вернера местами упоминает его в третьем лице, а в список рекомендуемой литературы включил работы, цитируемые в «Прибавлении»; вставки и замечания переводчика в тексте не всегда выделены. Вступление к разделу Соссюра легко принять за текст Севастьянова, и только упоминание путешествий от первого лица выдает автора. К тому же, читая написанное излюбленным Севастьяновым книжным русским языком середины XVIII в., уже не используемым большинством ученых-россиян начала XIX в., можно забыть, что это не его текст, а перевод. И, не зная его биографии, предположить, что Севастьянов – геолог, ученик Вернера и в какой-то степени автор, что и произошло с рядом историков геологии.

Начало литературных опытов Севастьянова относится к 1789–1793 гг. Гимназист, а затем офицер публиковал их в издаваемых ИАН «Новых ежемесячных сочинениях». Первым был перевод: «Описание Женевского озера», за ним – стихотворения разных жанров. В 1800 г. он стал членом Российской академии, изучавшей русский язык и изящную словесность (ее постоянным секретарем был Лепёхин). Участвовал в составлении второго издания «Словаря русского языка», был почетным членом объединения «Беседа любителей русского слова», которое в 1811 г. возглавил адмирал А. С. Шишков (с 1813 г. – президент академии). Примером его поэзии может служить «Ода на новый 1793 год... Великим Князьям Александру Павловичу и Константину Павловичу...». Основной ее объем занимает прославление императрицы. Родители адресатов упомянуты мельком: «Се зрю плод ПАВЛА и МАРИИ...». Им самим посвящена одна строфа:

А ВЫ, в ком Российская держава / Свою надежду сладку зрит, / Кем Россос вознесется слава, / К Кому усердьем дух горит, / Вняв глас мой, слабый и нестройный, / Склоните взоры благосклонны / К тому, от ВАШИХ кто щедрот / Стяжал в науках просвещение / И ныне принял дерзновенье / Свой первый посвятить ВАМ плод⁴³.

⁴⁰ Там же. С. 83.

⁴¹ Тихомиров. Геология в России первой половины XIX века...

⁴² Резвой. О первом руководстве по полевой геологии на русском языке... С. 224.

⁴³ Севастьянов А. Ф. Ода на новый 1793 год их императорским высочествам [...] великим князьям Александру Павловичу и Константину Павловичу... [СПб., 1793].

Тогда же вышла ода Екатерине II «...на торжество мира с Портою 2 сентября 1793 г.».

В обширную антологию поэтов 1790–1810-х гг., заявленной целью которой была «массовая поэзия» как литературный фон эпохи (личность составителя – Ю. М. Лотмана – гарантия профессионализма и объективности), намеренно не включены «старик Державин», маститый И. А. Крылов, юные А. С. Пушкин и А. А. Дельвиг и другие «штучные» поэты, а вошли десятки малоизвестных и даже впервые публикуемых по рукописям. Среди них – члены «Беседы», но Севастьянова нет, хотя он печатался в столице ⁴⁴.

В протоколах Конференции ИАН начала 1820-х гг. эта фамилия встречается все реже, и даже некролог появился в газете через год после его смерти.

Дважды академика – во всех его ипостасях – в XIX в. довольно быстро забыли. Если бы не дотошность авторов биографического словаря, было бы трудно узнать о нем что-либо конкретное. А самое полное издание «Энциклопедического словаря» Ф. Брокгауза и И. Ефрона и вовсе ограничилось парой строк:

Севастьянов А. Ф. (1771–1824), писатель, автор статей географического содержания, преимущественно переводных, в «Карманном Месяцеслове», «Техническом журнале», «Новых Ежемесячных Сочинениях» и др. ⁴⁵

Эта оценка чрезмерно скупа, но в основном справедлива. В сущности, избрание Севастьянова академиком в 1803 г. так же характерно для ИАН, как и неизбрание Д. И. Менделеева в 1880 г., – характерно для науки, подчиненной не очень просвещенной власти. Таких примеров немало и в академической истории XX в.

На этом можно бы и завершить набросок, если бы не еще один штрих. Самым выдающимся произведением А. Ф. Севастьянова стал его старший сын Яков (1796–1849). Если детство и юность отца прошли в казенных стенах, то позднее у него были дом в Петербурге и семья; воспитанию шестерых детей он уделял много внимания. Четверо старших сыновей получили еще при его жизни высшее образование. Яков Севастьянов в 15 лет, блестяще закончив ту же гимназию, поступил сразу на второй курс Института инженеров путей сообщения. Он тоже знал языки (в институте учили на французском) и пуб-

Портрет великого князя Константина Павловича – подростка

⁴⁴ Поэты 1790–1810 годов / Сост. Ю. М. Лотман. Л., 1971.

⁴⁵ Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона в 86 т. СПб., 1900. Т. 29. С. 294.

ликовал стихи. В 18 лет он первым по списку закончил институт, основатель и инспектор которого А. Бетанкур – ученик Г. Монжа, заложившего научные основы начертательной геометрии, – оставил его «для приготовления к научной работе». В 22 года Я. А. Севастьянов принял эту кафедру у переведенного на изыскания К. Потье и четверть века читал курс на русском языке, издав уже в 1819 г. свой учебник, а в 1821 – новый курс, по мнению историков математики вполне оригинальный, а затем и другие труды. Позднее он использовал свои разработки в проектах сооружений и входил в руководство ведомства путей сообщения. Профессор, лауреат Демидовской премии, генерал-майор и кавалер орденов Яков Александрович Севастьянов умер, как и отец, на 54-м году жизни ⁴⁶. Он не был даже членом-корреспондентом ИАН, однако среди трех–четырех ученых, развивавших эту новую науку в России XIX в., его называют первым, а замыкает ряд академик Е. С. Федоров, кристаллограф, создавший метод изображения точек пространства на плоскости векторами ⁴⁷.

Так что жизнь Александра Севастьянова прошла не зря.

⁴⁶ Тарасов Б. Ф. Яков Александрович Севастьянов: педагог, основоположник начертательной геометрии в России. СПб., 1995.

⁴⁷ Там же: Рынин Н. А. Материалы к истории начертательной геометрии. Л., 1938.